

Время шло. И как она и предсказывала - с каждым днём, ходить ей становилось всё сложнее. Живот рос очень быстро - и уже на пятый день он увеличился до таких размеров, каких достигает за десять в том случае, если носит в себе от обычных людей. Причём не одного за раз, а, как это частенько с ней бывает, двойню, набрав лишний десяток килограмм веса. Но это только за пять, а ведь если в ней на самом деле росло потомство от коней, то это не было даже половиной срока!

И хотя отца не было дома, а потому он не мог воочию видеть её позор - перед слугами ей было очень стыдно. Они косились на неё и шептались - знали, что она вот только недавно ещё родила, и вот - опять ходит пузатая. Потому Шаос приняла решение уединиться где-нибудь там, где она не станет лишней раз мозолить всем глаза, и тихо, спокойно выносит потомство. Особенно с учётом того, что в этот раз её ждало тяжкое испытание. А про последующие роды вообще думать хотелось не многим более, чем... чем о том, случилось с Никифием. Хотя не думать об этом ей было сложно - то самое подходящее для уединения место оказалось найдено в полупустых конюшнях, в самом дальнем конце зала, где у незадачливого парня когда-то была оборудована коморка. И пусть оттуда вынесли всё его имущество, взамен принеся несколько книг, мягкий матрас, набор одеял и всякие там тазики с водой (и даже небольшую деревянную ванну) - не думать о нём во время долгих вечеров было невозможно. Но хотя бы спать ей хотелось много... Ибо потомство, даже с хорошим и обильным питанием, стремительно пило из неё соки.

А когда на седьмой день она набрала ещё пятнадцать килограмм массы и у неё стала проявляться лёгкая одышка даже после самого простецкого перемещения - это помогало затуманивать мозг, тем самым отвлекаясь от размышлений...

К десятому же дню суммарный её вес достиг примерно семидесяти килограмм... Что без учёта её родных девятнадцати говорило о том, что внутри себя она носила две с половиной кратности своей массы. Её живот был поистине огромен - и да, она бы легко поместилась в нём самостоятельно. Да что там, возможно - что даже две! И двигаться она уже совсем не могла, если только бочком переползти с места на место, подобно какой-нибудь там гусеничке. И одышка не прекращалась... Её больное сердце работало за пределами, качая напитанную кислородом кровь в том числе и через пуповины растущих в ней детей... Да, сомневаться в том, что она несла в себе что-то ещё, помимо одного жеребёнка, было нельзя... Но время, что ни говори, в этом сладком бреду текло быстро. И не давало особой возможности ни о чём думать.

А к нужному сроку, а именно к окончанию второй недели, Шаос достигла уже пугающей сотни... Что конечно же значило, что худшие (но возможно, что и не самые) её опасения сбылись - и у неё должна была быть лошадиная двойня. Они, окружённые водами, спокойно себе дремали внутри её огромного животика, свернувшись калачиками и лишь изредка шевелились и подёргивались, из-за чего сквозь кожу её проступали очертания их копытцев, пока сама ехидна, обхвативши себя руками и ногами, лежала на боку и тяжело, то и дело срываясь на стоны, дышала. Волосы её прилипали к лицу, к плечам и спине, а одеяло с трудом могло скрыть её в не самый благопристойный момент её жизни. От одежды пришлось отказаться...

И всё же - этот час настал. И по животу её прошла волна такой знакомой боли. Началось?..

Шаос устало приподняла голову - и ощутила вторую волну, от которой она, зажмурившись, стиснула губы и прям сквозь них простонала. Её бедная, растянутая до немыслимых размеров матка сокращалась, чем заставляла весь животик поддёргиваться, а вместе с ним - и волноваться дремавшее в нём потомство. И успела она лишь кое как, брыкаясь одной ногой, откинуть с себя одеяло - как боль эта стала гораздо сильнее, протяжнее и мучительнее.

Лопнула оболочка вокруг одного из жеребят, и Шаос, хоть и попыталась удержать это в себе, чтобы не разводиться тут бардак... будто бы оно могло закончиться как-то иначе, кроме как бардаком, окатило тёплой жидкостью - у неё отошли воды.

- Тейпи, Лиз, т-тейпи, ты должна! Должна теез это плойти!

И в момент следующих схваток, когда матка её непроизвольно сократилась в попытке вытолкнуть из себя плод, девушка что было сил напряглась и нажала на живот руками, чтобы помочь ей... помочь ей сделать это!..

Морда жеребёнка прижалась к её кервиксу, стала с силой давить на него, заставляя немножечко, с огромный трудом, но раздвигаться. Но куда больше под этим действием вся её матка подавалась вперёд и лезла к поверхности!

Боль зашкалила. С груди её брызнуло молоко, зрачки устремились под дрожащие веки, и Шаос во весь голос заскулила - это было невыносимо!.. Ей нужно было прерваться, сделать вдох, перестать давить на живот, ощутить в ноющей от напряжения матке облегчение, но... но в тот момент, когда уже и лёгкие начало обжигать от нехватки кислорода - она без сил пала. Горло её выдавило из себя поток пузырящейся слюны, а всё тело стало мелко поддёргиваться.

Она перестаралась. И от избытка чувств, блин, кончила... За что, высунув язык и безрезультатно пытаясь отдышаться, пропустила следующую волну схваток, сводя часть своих усилий на нет...

***

Закрутились шестерни, заскрежетали механизмы. Пришли в движение массивные лебёдки, и намотанные на них цепи стали разворачиваться, опуская глухой металлический ящик вниз, на поросший травой пятак земли. Но зрители не разразились восторженным гомоном и криками - сегодня здесь были собраны только искушённые господа, не проявляющие свою заинтересованность таким грубым, варварским способом. Они с почтенным остепенением попивали напитки из бокалов с высокими ножками, лишь периодически прикладывая к лицу бинокли.

- Каждый из случаев уникален. - Донёсся громкий и выразительно чёткий голос из неизвестности. - За каждым, кто оказывается здесь, в этом круге, тянется своя история. Убийцы, воры, насильники, злостные неплательщики по налогам. Но сегодня, и я не побоюсь сказать этого - нас ждёт поистине особый гость!

Ящик с грохотом, с сильным механическим ударом остановился в полутора метрах от земли - и дно его распахнулось, роняя из своего металлического утроба долговязого парня с какой-то грязной, буро-зелёной кожей. И до того, как растерянный, облачённый в тюремную робу полукровка поднялся с колен - контейнер вновь сдвинулся, уезжая обратно, наверх. Чтобы на середине пути пересечься с тем, что двигался ему навстречу.

- Жестокая тварь, рождённая в насилии и оттого не способная чувствовать ни жалости, ни сострадания. Дикое животное, что в приступе первобытной ярости убило собственную мать! Хладнокровно задушившее её, пока упивалось тухнущим блеском в её глазах! Ублюдок и падонок! И нет, он не заслуживает пощады!

Искажённый в гримасе страха и ужаса от непонимания того, что с ним происходит, Никифий встал на ноги и схватился за голову. Стал ей крутить, вертеть. Бить по ней ладонями - он всё ещё надеялся проснуться от этого сна.

Где он находится? Кто эти люди? Почему он слышит этот голос, но совсем не видит, откуда он доносится? И что с ним хотят сделать?

Он хотел домой. Хотел, чтобы это кончилось и он вернулся к своему доброму господину, продолжил заботиться о его лошадях...

- И он должен быть казнён!

А на этой ноте, даже столь благовоспитанные господа не воздержались - и что-то закричали со своих балконов.

Тем же временем, второй контейнер опустился достаточно близко к земле...

- Посмотрим же, сколько кругов смерти он сможет пройти до того, как она заберёт его в свои костлявые объятия! Выпускайте псов!

...и распахнулся в полуметре, вываливая наружу стаю в десяток самых обычных, серых волков - разве что, очень голодных. И от падения о землю, от всего этого гомона вокруг, они стали ещё злее, поэтому первое же увиденное перед собой существо стало для них врагом.

- Пёсы! - Успел выкрикнуть парнишка. И хоть не знал наверняка, что они собираются с ним сделать - при виде этих оскаленных пастей и искажённых злобой глаз, он прикрыл лицо руками...

И не зря - животные бросились на него в прыжке, вцепились в его ноги и руки зубами, сквозь тонкую тюремную робу до крови вспороли когтями кожу на его животе. Но Никифий, хоть и завыл от боли, устоял на ногах. И пусть он не знал, что происходит, не знал, что они хотят его убить - ему было больно. И хотелось, чтобы болеть перестало. И без злости на этих животных -

он, прямо с висящим на ноге волком, пнул коленом того, что вцепился ему в локоть, и ухватил его за шкуру, чтобы...

Сначала он хотел его просто отбросить - но когда они продолжили наседавать на него, будто бы желали ему чего-то плохого, он широкой дугой взмахнул скулящим зверем вокруг себя, отгоняя тех, что стояли рядом, а кулаком начал нещадно бить по носам тех двоих, которые непосредственно висели на нём, вцепившись в колено и бедро. И будет честно сказать, что Никифий, несмотря на утончённую комплекцию - был действительно силён, и каждый удар сопровождался хорошим, сочным хрустом и визгом, а мотыляемый за шкуру волчара хоть и не выступал в цирке, но отлично раскидывал своих собратьев по сторонам. Так что парень смог перетерпеть первую атаку волков, оставшись стоять на ногах. И в промежутке, пока растерянные внезапным отпором животные собирались с духом для следующего раунда, он коротко взвыл от боли, с силой сжав себя за плечи... И только сейчас осознал, что всё ещё держит то поломанное животное, которое он использовал вместо оружия, в руках.

Никифий отбросил его - упавшего наземь едва дёргающимся мешком костей - и попятился задом. До тех пор, пока не наткнулся спиной на стойку с оружием.

Оружие? Оружие - это плохо. Никифия ругали, когда он с ним играл. Когда мальчики на улице тыкали в него палками и деревянными мечами, кидались камешками, а он отбирал их игрушки и начинал тыкать в ответ. Мама говорила, что он бил слишком сильно. И что он уже слишком взрослый, чтобы играть с детьми. И что он не должен ходить по городу сам. Пусть его хотя бы хозяйка сопровождает...

***

- У-уууу! В... в-выле... вылезай!..

Ехидна превратилась в дрожащий комок, с какими усилиями она пыталась вытолкнуть его из себя!.. Но это был жеребёнок. Настоящий, возможно лишь самую малость недоношенный жеребёнок, и лез он наружу из какой-то неполноценной хоббитши. Ей бы нужна была помощь... Чтобы кто-то раздвинул её слишком тугий выход из матки руками и вытащил её потомство на свет! Или хотя бы трахнул её, разбив её дырку... Ладно, она бы согласилась и на то, если бы кто-то в этот момент на неё подрочил. Хотя, это бы вряд ли ей как-то помогло. Но было бы немножко приятно... Но помощи рядом всё равно не было, и ей приходилось рассчитывать лишь на свои собственные усилия.

- П... поза!.. Позалуста!.. - Опять заскулила она, делая ещё одну попытку протолкнуть огромное животное из своей матки... с трудом и обычного младенца рожаящей. Но если она не постарается и тело её выбьется из сил до того, как воспроизведёт потомство на свет - оно будет обречено... А этого она не хотела, и потому...

Потому!..

Она "перевернулась" на живот - если так вообще можно было назвать это движение. Она в

самом прямом смысле легла на него сверху, потому что он был значительно больше её самой. И теперь давила на себя не только руками и мышцами внутренних органов - но и всей своей, пусть и не особо большой, массой. И только так, с тупой, тянущей болью и каким-то глубинным телесным хрустом, наружу, из её до красна болезненно растянутой киски, показалась... нет, ещё не морда жеребёнка - её матка. Но внутри неё, этой слишком широкой, полураскрывшейся трубки, было видно что-то инородное, покрытое мокрой чёрной шерсткой. И только бы если у неё хватило сил продолжить эту схватку - она бы, возможно, и смогла его из себя выдавить. К сожалению же - нет, и она, закатывая глаза, опять обмякла... Прямо-таки лёжа на своём животе... И голова жеребёнка, заставившая матку раскрыться, заползла обратно, оставляя снаружи лишь вывернутую и изрядно растянутую трубку её внутреннего органа.

Грязное её тело испытывало от этого всего слишком много удовольствия...

***

Никифий отбросил в сторону перемазанный кровью и волчьими мозгами шестопёр в сторону. И пал на колени: он не хотел их убивать. Он даже взял в руки какую-то дубину, а не настоящий меч или топор, но когда он бил слишком слабо - волки продолжали его кусать, а когда бил сильнее - то они хрустели и ломались. Их головы трескались, наружу вылезали раздробленные кости. Они визжали. А он продолжал бить, потому что хотел жить.

И тогда он снова завыл, устремив взгляд на такое далёкое небо. Он был весь в крови - как в своей, так и чужой, а лицо искажено в сложной эмоции, в которой читался первородный ужас и наивное непонимание, смешанное вместе со слепой яростью и жалостью к этим бедным животным...

Но некоторые из волков всё же выжили. Пока что выжили, хотя явно это было ненадолго - и они так печально скулили, когда пытались встать или просто уползти.

Он не мог этого терпеть - сердце его разрывалось. И, несмотря на свой страх и боль, он подполз к ближайшему из них и окончил его боль, сочно переломав тому шею...

А вот и снова заработали лебёдки - и кран отправил вниз контейнер со следующим соперником.

***

Шаос стиснула зубы. И опять заскулила, в очередной раз напрягая мышцы всего тела - она должна была его родить! У неё не было иного выбора!

Но какой же он был большой... Что там говорить - физически оно было сложно представить, что что-то настолько огромное могло пролезть сквозь её эту дырочку. И когда его голова, со смиренно закрытыми глазами, проскочила наружу - это противоестественное зрелище, как из низкорослой, метровой полурослицы торчала несоизмеримо большая конская морда, пока лицо

её было искажено от боли так, что маленькие белые её зубки скрежетали друг о друга, не могло не вызвать волну дрожи.

Однако это была уже победа - хотя бы потому, что теперь он не заскочил в неё обратно, когда она сделала перерыв на то, чтобы собраться с силами и "перехватиться" мышцами. И напряглась в очередной раз, растягивая истончённую плоть своей вылезшей наружу матки ещё сильнее, когда сквозь неё стало проходить туловище животного. С прижатыми вдоль него ногами и...

Продолжая давить на живот руками, как бы "прогоняя" плод вниз пор своему телу, пока и её собственные родильные судороги пытались вытолкнуть его из неё, девушка замотала головой - лучше бы она, наверное, сейчас умерла, чем терпела это!.. Конечно же, с возможностью потом воскреснуть, истратив благосклонность Госпожи, но... Но она, скрипя зубами на заплаканном, покрытом слюной лице, сделала особенно сильный толчок мышцами - и жеребёнок, проскочив наиболее толстую свою часть, мучительно медленно, почти заторможенно, вышел из неё полностью, мягко ложась у её задранных вверх бёдер... При этом Шаос в этот момент почувствовала всю протяжённость его тела, каждый на нём изгиб, утолщение и сужение - и когда задние копытца вышли из неё, утаскивая следом нити какой-то липкой слизи и оставляя её торчащую наружу и подобную помятому пакету матку, она не смогла выдержать - и кончила ещё раз...

А ведь она даже и не могла заметить то, что пуповины из неё почему-то торчало две: одна из них принадлежала другому существу, устроившемуся у жеребёнка под передними ногами и по счастливому обстоятельству вышедшему вместе с ним. Куда более мелкому по сравнению с ним, но всё равно большим для произвёдшей его на свет матерью. И в отличие от животного, дёргающего ногами в попытке подняться, зеленовато-бурый младенец с проступающими на голове жидкими голубоватыми волосами не шевелился - лишь кое-как дышал. Да и то продлиться это долго не могло.

Обречённый на недолгое существование без души сын Никифия...

***

Это были мертвецы. Живые мертвецы в тюремных робах - те, что по каким-то причинам умерли в своих камерах или оказались здесь же, на этой арене. Где и были убиты. Их здесь всегда было в достатке. И возможно, что Никифия ждала такая же участь - если только его тело окажется пригодным для дальнейшего использования.

И парень нещадно бил их, презрев всякую жалость и сострадание - так, как этого от него и хотели. Он рубил их мечами и топорами, срывал с себя руками, когда они подбирались к нему достаточно близко, чтобы схватить. И пинался ногами, когда они его валили - лишь бы только подняться на ноги и отступить, делая короткую передышку перед следующей схваткой.

Но несмотря на то, что он вроде как отступал, пробираясь всё ближе к краю арены и оставляя одну стойку с оружием за другой, ибо эти дурацкие цепи не позволяли взять его с собой, а ран

на его теле с каждым разом становилось всё больше - мертвецы заканчивались. Тела их трепались, теряли возможность ходить и лишались цепких пальцев да своих гнилых зубов. А часто - и замирали насовсем.

Он одерживал над ними верх.

***

Шаос взглянула из-под дрожащих век - свет жутко интерферировал в висящих на ресницах каплях, всё плыло. Но даже когда она отёрла лицо запястьем - стало немногим лучше. Лёжа на боку, она видела, как расплывчатым пятном пытался встать на ноги тёмненький жеребёнок - и как его бледный жгут пуповины перекрученной спиралью уходил вглубь её тела. И видела свой живот - изрядно потерявший в объёме, от чего висел некрасивыми, совсем не милыми складками. И всё же внутри него до сих пор находился объект, размерами превышавший её собственное тело.

Схватки же не останавливались - её утроба пиналась, проталкивала плод наружу. И несмотря на то, что дыхание её уже превратилось в откровенные хрипы - она опять напряглась, мышцами живота сдвигая угнездившегося в ней жеребёнка вниз, в направлении её разбитого влагалища и вылезшей наружу матки. Истончённой, торчащей на добрые десятка полтора сантиметров трубки - розовой и блестящей, с уходящими в неё пуповинами. И пусть она устала, мышцы её утратили тонус, а растянутое чрево с трудом могло стиснуться на плоде - этого хватало, чтобы он двигался. Ведь куда важнее было то, что она была достаточно разбита, и потому требовалось приложить лишь часть тех усилий, что она потратила на рождение первого.

И по мере продвижения выталкиваемого плода, её левая, эта дурацкая, совсем не слушавшаяся её нога сама задралась вверх, а трубка - снова натянулась и в ней стала видна морда второго жеребёнка. В этот раз не чёрного, не белого и не в крапинку - этот пошёл в свою мать и обладал прекрасной голубой шерсткой. И когда он в несколько схваток вышел из неё по плечи, но будучи охваченным её мягкой, никак не отпускающей его розовой плотью "застрял" - ехидна ухватила за него руками и с мучительным, сотрясающим до основания оргазмом, попутно выворачивая из себя уничтоженную матку ещё на пару десятков сантиметров, "вытащила" его из себя наружу, тут же к себе и прижав... Впрочем, из-за разницы в массе, это скорее она себя с него стягивала, пока её выпавшая утроба до последнего прилипла к его короткой влажной шерсти, а потом к нему же и подползла, чтобы обнять...

И как жаль, что он то... тоже оказался мёртв. Такое у неё случается, даже с животными - не все они оказываются жизнеспособными.

***

Он выл в голос, когда, сжимая булаву обеими руками, нанёс вертикальный удар по голове последнего живого мертвеца. Толпа возлютовала, голос комментатора исходился на одни лишь эпитеты.

И уже четвёртый контейнер полез вниз. Пока в паре метров от земли он не отстегнулся от цепи и не лёг на землю, а из него, из откинувшейся во время удара стенки, не выползло иное существо. В этот раз одиночное, но от того не менее опасное - это была сколопендра. Только большая. Очень большая сколопендра, длиной всего своего тела достигавшая десяти метров, не менее. И выгнулась перед юношей смертоносной дугой, при этом выщёлкивая своими слюнявыми жвалами и множеством острых лапок ужасающий ритм. И на шее её, у самой головы, был намертво одет металлический ошейник, уходящий клиньями в мягкое тело внутри.

Не долго думая, полуорк кинулся на него в атаке - благо, что длины цепи на его оружии для этого манёвра хватало. И нанёс удар, метаясь в промежуток между хитиновыми сегментами насекомого. Громко взревел и... и промахнулся - монстр оказался слишком проворен. Гибкой лентой, он уклонился от булавы, неким хитрым образом изогнулся - и вонзил свои клыки в грудь Никифия. К счастью последнего - недостаточно глубоко, и ударом рукояти по условному черепу гада он заставил его отдёрнуться.

Что в этот момент сказал диктор - орк не расслышал. Он был слишком сосредоточен на битве, но... но теперь его враг будто бы поменял свою тактику. Будто бы испугался или что? Он держался от Никифия на расстоянии. Ожидал лучшего времени для удара? Или просто... просто тянул время?..

От места прокола по телу стало распространяться неприятное тепло. Тепло, быстро перераставшее в настоящее жжение. Настолько сильное, что парень, выронив оружие, сдёрнул с груди рваную робу и съёжился на земле. Эта тварь его отравила, и теперь ждала, пока он умрёт? Или же просто не сможет сопротивляться!

Он сгрёб выроненное оружие непослушной рукой и кое как встал. И стал пятиться назад, выставив его перед собой, при этом зубы его скрипели, а по губам ползла пена. Ему... ему было нужно... ему было нужно оружие подлиннее... Такое, каким бы он смог... Смог...

Нетвёрдой походкой, он подошёл к стоящему у самого края арены стенда. Опёрся на него и несколько лишних секунд перевёл дыхание, при этом стараясь не спускать с выжидающей сколопендры своего взгляда.

Боль было невозможно терпеть. Его жгло, его руки и ноги тряслись, а мысли - и без того беспорядочные - не ложились в нужный ряд. Остался лишь страх и ярость. И потому, схватив со стойки копьё, он из последних своих сил размахнулся - и бросил его за край арены. Чтобы убить хотя бы одного из этих ублюдков!..

По зрителям прошёл ропот, перерастая в восторженный гам, когда прикованная к оружию цепь натянулась и оно по инерции устремилось вниз, в сторону утыканной пиками пропасти.

Отсюда не было спасения. Тот, кто оказался на арене, мог покинуть её только тем путём, каким сюда и попал. И заключённым это не полагалось - насколько бы хорошим и успешным бойцом бы он ни оказался. Ведь даже если бы вся коллекция всяких тварей в клетках и кончилась - его бы просто оставили там подыхать от голода и жажды.

И в слезах, уже не в силах более осознанно шевелиться, полуорк осел на землю. Из-за чего существо стало медленно подбираться к нему, чтобы у этих людей на глазах и сожрать.

- Господин Малкой... - Навзрыд выдавил из себя Никифий. - Я хочу домой. Я хочу заботиться...

Рана жгла нетерпимой болью. Он не чувствовал своих ног. Губы немели, шея и левая рука не слушались. Он был обречён.

- Я хочу и дальше заботиться о ваших лошадях. Хочу кормить их сахаром и сеном.

И на одной лишь руке, он пополз к самому краю арены.

- Хочу чесать их... их гривы... Петь им песенки... - Он свесился над окованным металлом краем - и в последний раз взглянул на волнами устремившегося к нему монстра. - Простите меня, госпо...

Он напряг руку - и подтянулся дальше. Так, что неумолимая гравитация подхватила его и отправила вниз. И Никифий в последний раз в своей жизни испытал то чувство, как от скорости захватывает твой дух, перед тем как навсегда остановиться.

- Уууууу, какая смерть! Отказался принимать её в пасти этой твари. Ну что же, придётся выпускать падальщиков, чтобы они отчистили пики от его вонючего мяса. Ну а вы, как? Готовы к продолжению?! Как вы считаете, смогут ли три мрази, что сожгли амбар, в котором невинно играли наследники одного влиятельного господина, одолеть эту тварь? Или их ждёт та же участь, как и этого полукровку?!

***

К сожалению, из троих выжил только один - самый первый. Второй жеребёнок не дышал с самого рождения, а... а... Думать о нём хотелось меньше всего, но хотя грудь четвертьорчонка ещё вздымалась - взгляд его был пуст, а сам он не шевелился. Души в нём не было. И он был обречён на скорую телесную гибель.

Шаос отвернулась. Проглотила подступившую к горлу скорбь и в последний раз за сегодня, чтобы уже за этим всё и окончить, увереннее встала на четвереньки... Ну, как увереннее? Учитывая её разъезжающиеся ноги - это и четвереньками назвать было сложно. Но она стиснула зубки, коротенькие её пальчики сжались в плотные кулачки, плечики задрожали, а мешком висящий до самого пола живот в содрогнулся, напрягся. И она, по мере того, как отслаивающаяся плацента продвигалась вперёд, а склонённый перед ней жеребёнок с влажным чавканьем облизывал её пухлую плоскость в поисках сладковатого и питательного молочка, всё сильнее открывала этот свой слюнявенький ротик, чтобы выпустить наружу истекающий язычок...

И с грязным удовольствием выдавив из себя все эти три мягких, тёмно-фиолетовых органа - пала, исходясь на полу мелкой, конвульсивной дрожью...

Вот теперь - всё...

<http://tl.rulate.ru/book/412/37912>